

слово о писателе

Истины Андрея Платонова

«Истины хочет все мое тело», — писал в 1923 году молодой советский писатель, поэт и публицист Андрей Платонов. Он был ровесником века, и только сейчас, к его 90-летию, становится ясно, что Платонов — один из величайших литераторов, чье творчество и есть осуществление истины о веке.

Его современник Борис Пастернак говорил, что «будущее — это правильно понятое настоящее». Ныне, когда наконец все книги Платонова пришли к нам, когда восстановлены почти все идеологические купюры и удалена номенклатурная косметика с гениальных текстов, мы видим в его творчестве наше давно понятое им настоящее. И — будущее. Потому что Платонов опередил время.

Правда, его повесть «Котлован», роман «Чевенгур», публицистика и философские эссе стали известны советскому читателю совсем недавно. Однако причины известны: Сталин, прочитав «Чевенгур», заметил: «Талантливый писатель, но сволочь». В устах этого деспота такая оценка звучит как признание гениальности и актуальности творчества Платонова, после чего излишни эпитеты восторженных литературоведов.

Кто же он, Андрей Климентов (Платонов) — литературный псевдоним и откуда?

И в писательстве, и в жизни Платонов был странником. Он, как Диоген, искал Человека, но в отличие от синопского философа находил его: в азиатской юрте, в бедняцкой земледельческой артели, в паровозном депо, на большой дороге... «Меня интересовали люди, а не учреждения, поэтому учреждений я не посещал, чтобы не раздражаться и не быть обманутым гулом мероприятия», — скажет он позднее.

«Жизненное странствие» свое на рубеже веков он начал в версте от Воронежа, в Ямской слободе: «где были плетни, огороды, лопуховые пустыри, не дома, а хаты, куры, сапожники и много мужиков на Задонской большой дороге». Мужики эти были бродами-босками.

Обитателей Ямской слободы нищета доводила почти до потери человеческого облика. Платонов выжил в этом ужасе и сохранился духовно. «Жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека», — писал он жене Марии, другу и человеку, которому он буквально религиозно поклонялся.

Андрей Платонов был талантливым универсально. Кажется неве-

роятным, что подросток, получивший всего шестилетнее систематическое образование, с тринадцати лет работавший мальчиком на побегушках, слесарем, литейщиком, к двадцати годам постиг математику Минковского, философию Канта, стал способным электро- и гидротехником. С 1922 по 1926 год, работая в губернском земельном управлении, Платонов спроектировал и возглавил строительство плотин, трех электростанций, множества мостов и дамб, прудов и шахтных колодезев. А по ночам Платонов успевал писать то, что мы сегодня назвали бы экологическими очерками, промышленной и сельскохозяйственной публицистикой. И еще — прозу, стихи, критические и философские статьи.

Еще более удивительно, что периода литературного ученичества у него почти не было, и можно сказать, что примерно к 25 годам он окончательно сформировался как писатель-мыслитель.

И — упрек и укор нам, не услышавшим его еще в 1926 году: «...бюрократизм есть... новая социальная болезнь, биологический признак целой самостоятельной породы людей. Он вышел за стены учреждений, он отнимает у нас друзей, он безотчетно скорбен, он сушит женщин и детей».

Когда административно-командная система, господствовавшая долгие годы, опорочила и затаскала слова «коммунизм» и «социализм», очерки Платонова способны вернуть им человеческий смысл и силу. «Первостепенным остается... поиск путей друг к другу; в последнем — в дружестве — и заключается коммунизм: он есть как бы напряженное сочувствие между людьми». А нравственный смысл социализма, по Платонову, так прост и наивен, что, наверное, его назвали бы сейчас каким-нибудь экстремизмом: «Отпустить бы всех людей из учреждений на свободу, чтобы они наделали побольше съедобных, носильных и жилищных вещей, дабы никто не страдал от нужды...»

В литературе Платонова почти нет сюжета. Сюжет, как он считал, наследие «великой глухой»

(так Платонов величал литературу по аналогии с «великим немым» — кинематографом) и нужен для придания ей читабельности и занимательности. В жизни редко бывает сюжетная занимательность, и главное — не она. У Платонова все становится живым чудом, обретающим душу и голос: паровоз, немой любовный поцелуй, сознание умирающего, делающего последний вздох, и сознание ребенка, делающего вздох первый.

Его творчество бывает и трагичным, и ослепительно мажорным. В его философской системе не было понятия «зла». Каждое зло, по Платонову, это однократность добра.

Платонов показывает, как человек думает, но в отличие от «потока сознания» не воспроизводит вспыхивающие в мозгу цепочки случайных ассоциаций, а дает колоссальную полифонию. И все это есть практически в каждом абзаце платоновской прозы. И она способна согреть любого, неторопливо вчитывающегося в каждую фразу, ибо проза его буквально пересыпана вспышками истины.

В годы сталинщины писатель избежал расправы. Вероятно, он казался неопасным, потому что его тогда никто еще не мог понять и узнать. Возможно, поэтому не приходило к нему и мировое признание. Но писателю такого масштаба это неважно, к своему народу он пришел на удивление вовремя, подоспел в самый драматический момент его истории.

Вот что он говорит нам, сегодняшним: «Убеждение в том, что государством могут управлять только избранные «лучшие» люди, есть злейший предрассудок, который мы не изжили до сих пор. На самом деле управление государством есть обыкновенное обязательство каждого гражданина, которому он должен обучиться и которое должен знать, как знает свои обязанности член организованного человеческого общества».

Он пришел вовремя, чтобы обжечь иссушенные «новой социальной болезнью» души, вдохнуть в них боль и сострадание. Как великий Бах абсолютным слухом, Платонов был наделен абсолютным сердцем, абсолютной совестью и абсолютной правдивостью.

А. ВЕЛИКОРЕЧИН.
(АПН).

Моск. правда. - 1989. - 30 авг